

ЛЮДМИЛА МНИХ

Естественно-гуманитарный университет (Седльце)

ЧИСЛОВАЯ СИМВОЛИКА КАК ПУТЬ ПОСТИЖЕНИЯ ИСТИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА

Number Symbolism as the Way to the Truth in the Work by Velimir Khlebnikov

The article deals with number symbolism in the work by Velimir Khlebnikov in the context of Russian modernism. Special attention is paid to the analysis of the number symbolism in the *Tables of Destiny*. The author comes into consideration, that in the works by Velimir Khlebnikov, especially in the *Tables of Destiny*, two ways of comprehension of truth were combined: intuitional vision by means of number symbolism and an attempt of calculation of history regularity and destiny of individuals by means of mathematic formulas.

Keywords: Velimir Khlebnikov, number symbolism, Russian modernism, *Tables of Destiny*

Познал я числа,
Узнал я жизнь.
В. Хлебников

Проблема истины (правды) была весьма актуальной для философии и эстетики русских модернистов, чьи тексты отражают разнообразные поиски истины и попытки её концептуального обоснования. Истинная сущность вещей, истинная (правдивая) любовь, словесный поэтический символ как выражение истины, недостижимая и сокрытая истина – эти, и целый ряд подобных идей и концептов, репрезентируют характерные черты поэтики и мировоззрения таких авторов, как Вячеслав Иванов, Валерий Брюсов, Андрей Белый, Николай Гумилёв. А среди арсенала символических концептов у русских модернистов особой популярностью пользовалась числовая символика, отражающая не только разные идеи, но и представляющая разные культурные традиции.

Для европейского литературного региона вообще и для русской поэзии Серебряного века в частности первостепенное значение имеют античная и христианская идейно-эстетические традиции числовой символики. В широком культурном контексте интерпретация этой символики предстаёт как интерпретация наследия Афин и Иерусалима в культуре Европы. Фольклорная и иудейская традиции числовой символики проявляются лишь при сознательной интерпретации автора, обусловленной или художественно-стилевым течением времени, происхождением или индивидуальным пристрастием. Отдельные проявления других типов числовой символики в русской литературе (масонская или восточная) свидетельствуют уже о связях биографии автора с определённой культурой (например, восточной) или его (автора) увлечением определённым общественным явлением (масонством).

В русской поэзии начала XX века уникальный пример числовой символики представляет творчество Велимира Хлебникова, в поэзии которого числовые образы и мотивы соединяют идеи европейского рационализма и восточной мистики. Поиски сути вещей и явлений, загадок мироздания и исторических закономерностей – в широком смысле поиски истины – отразились в поэзии и философии Велимира Хлебникова на уровне числовой образной символики. На мировоззрение и поэтическую систему этого поэта влияло, с одной стороны, серьёзное, собственно научное изучение общей теории чисел, а с другой, – увлечение теорией Николая Лобачевского о неевклидовой геометрии. Именно поэтому символика образа числа в стихотворениях Велимира Хлебникова отображает не столько античную традицию мировой гармонии (числовой музыки сфер), сколько идеи европейского рационализма и дань техническим достижениям эпохи:

Идет число на смену верам
И держит кормчего труды.

Проблема числа в поэтике и эстетике В. Хлебникова была уже предметом нескольких публикаций, которые отражают, однако, другой ракурс вопроса, нежели предложенный нами (мы будем частично ссылаться на эти работы). Специально нужно подчеркнуть, что числовая эстетика и философия Велимира Хлебникова вписывается

в общий контекст числовых проектов и числового символизма русского модернизма. У В. Хлебникова можно заметить, например, парадоксальную близость идеям Павла Флоренского о "мнимостях" в геометрии (Дуганов 1990, 240-242). С помощью логики чисел поэт пытается также выстроить общую теорию эволюции, которая бы выражала "математическое понимание истории": совпадение периодов, дат, дней рождения и смерти выдающихся представителей человеческой цивилизации (Хлебников 1998, 75-76). Закономерность истории, по мнению Велимира Хлебникова, кроется именно в математическом выражении, больше того – истина всего мироздания представляет собой не что иное, как сокрытое число, которое автор пытался найти. Поэтому в поэтической концепции В. Хлебникова символика образа числа выражает идею мерности ("измеримости") Вселенной:

И звезды это числа,
 И судьбы это числа,
 И смерти это числа,
 И права это числа.
 Счет бога, измерение бога.
 «Мы богомеры» написано на знамени.
 (Цит. по Иванов 1986, 393-394)

Подробный и убедительный комментарий к каждому стиху этого стихотворения дает Вяч. Вс. Иванов в работе *Хлебников и наука*. Приведу лишь фрагмент комментария к стиху *И права это числа*, поскольку он представляется наиболее актуальным в современном контексте: «Хлебников предлагал (предугадывая кибернетический подход к праву) назвать числами речи Цицерона, Катона, Отелло, Демосфена и заменить в судах и других учреждениях никому не нужные подражательные речи простой вывеской дощечки с обозначением числа речи...» (Иванов 1986, 394)

Перед смертью в известной записке *Что я изучил* Велимир Хлебников перечислил несколько достижений в своей жизни. *Числа* – на третьем месте, после *Зверей* и *Азбуки*. В контексте этой мысли становится понятным значение феномена числа для понимания мировоззрения поэта, его попытки обосновать правдивость и истинность числового постижения мира в отличие от собственно словес-

ного. В. Хлебников в книге *Время мера мира* сформулировал отличие между туманным словесным мышлением и чётким числовым:

В словесном мышлении нет налицо основного условия измерения – постоянства измеряющей единицы, и софисты Протагор, Горгий – первые мужественные кормчие, указавшие опасности плаванья по волнам слова. Каждое имя есть только приближенное измерение, сравнение нескольких величин, какие-то знаки равенства. Лейбниц с его восклицанием: "Настанет время, когда люди вместо оскорбительных споров будут вычислять" (воскликнут: *calculemus*), Новалис, Пифагор, Аменофис IV предвидели победу числа над словом как приёма мышления над "воздушной" единицей Палаты весов и мер. (Иванов 1986, 391).

Одна из основных числовых концепций представлена Хлебниковым и в известном стихотворении *Числа*:

Я всматриваюсь в вас, о числа,
И вы мне видите одетыми в звери, в их шкурах,
Рукой опирающимися на вырванные зубы.
Вы даруете единство между змееобразным движением
Хребта вселенной и пляской коромысла,
Вы позволяете понимать века, как быстрого хохота зубы.
Мои сейчас вещеобразно разверзлись зеницы
Узнать, что будет Я, когда делимое его – единица.

(Хлебников 1987, 79)

Анализ приведённого поэтического текста даёт основания для толкования образа числа у В. Хлебникова как символа единства человека и Вселенной, человека и природы, единства Вселенной и Земли ("хребет вселенной" и "пляска коромысла"). Вместе с тем, числа для В. Хлебникова – это символы понимания ("Вы позволяете понимать века") и самопонимания, саморефлексии личности поэта ("что будет Я, когда делимое его – единица"). Исследователи не обходят вниманием это стихотворение В. Хлебникова, но как считает Лада Панова, самое важное в этом тексте, а именно – «символистский скелет», остался не замеченным литературоведами. В контексте этих мыслей Л. Панова склонна свести практически всю нумерологию Хлебникова к стихотворению *Числа* Валерия Брюсова:

Возьмем заглавие. «Числа» и его разновидности – «Восемь», «Тринадцать», «Звериное число» и др. – вошли в символистский репертуар благодаря Брюсову, написавшему в 1898 году свои «Числа» ...Отмечу еще, что брюсовские «Числа» *in nuce* содержат всю нумерологию Хлебникова. Они оснащены и ссылкой на Пифагора, и мотивом чисел, правящих миром (оттого числа царственные), и набором жизнетворческих ролей (сивилла и пророк). (Панова 2008, 408-409).

Важно подчеркнуть, что для творчества В. Хлебникова символ числа (и часто конкретных чисел – радикалов, дробей, логарифмов) выражает также определённую стилевую константу – числа становятся неотъемлемой частью его поэтического языка. Причем речь идёт не только о вербализованных числовых наименованиях, но и радикалах, дробях, логарифмах, записанных математическими формулами и функционирующих в художественных текстах поэта на уровне художественных образов. Отметим специально, что в отличие от числовой символики других поэтов (Александра Блока, Валерия Брюсова, Анны Ахматовой, Вячеслава Иванова), ориентированной на словесно-культурные контексты (античные, христианские, фольклорные), числовая символика В. Хлебникова ориентирована почти исключительно на научно-культурный контекст. Как уже отмечалось, она отображает определённые идеи европейского рационализма (прежде всего И. Ньютона и В. Лейбница) и репрезентирует научно-поэтический стиль "творений" поэта, его представления об эволюции жизни на Земле, происхождении человека, цикличности событий и т.д.¹ В самом обобщённом смысле можно сказать, что именно числа в мировоззрении Велимира Хлебникова выражают научный взгляд на мир. Особое место в творческом наследии Велимира Хлебникова в силу сразу нескольких причин объективного и субъективного характера занимает его итоговое сочинение *Доски судьбы*. Над этим произведением автор работал до последних дней жизни и не успел его завершить. При жизни В. Хлебникова был напечатан один лист (глава) *Досок судьбы*. Наиболее полный вариант *Досок судьбы* был напечатан лишь в 2000 году, до этого стихотворные фрагменты из этого произведения включались как отдельные стихотворения в сборники

¹ См. об этом более детально: Вячеслав Вс. Иванов: *Хлебников и наука*, в: *Писатели рассказывают о науке*. Сборник двадцатый. Москва 1986, с.382-440.

Велимира Хлебникова. Появление *Досок судьбы* отдельным изданием вызвало живой интерес исследователей (филологов, а также представителей точных и естественных наук) как в России, так и за рубежом. Это произведение также вошло в *Собрание сочинений* Велимира Хлебникова в шести томах, но в меньшем объеме. Редакторы шеститомника В. Хлебникова так объясняют ситуацию с изданием текста *Досок судьбы*:

Полное издание *Досок судьбы* со всеми подготовительными материалами к ним, составляющие многие сотни страниц сложнейших фактических и математических выкладок, – дело неблизкого будущего. В шестом томе печатаются лишь избранные отрывки из *Досок судьбы*, частью опубликованные при жизни автора, частью публикуемые впервые, – наиболее завершенные и доступные для понимания, главным образом общепhilософского содержания. (Хлебников 2013, 436).

Полное изучение *Досок судьбы* выходит за рамки интерпретации собственно художественного произведения, поэтому исследователи применяют разнообразные междисциплинарные методологии, стараясь уловить «пророческий» смысл этого произведения. Творчество Велимира Хлебникова вообще и *Доски судьбы* в частности привлекают внимание ученых из разных научных областей: филологии, естествознания, математики, циклистики, футурологии. Осмыслению этого произведения посвящён объемный том *«Доски судьбы» Велимира Хлебникова: Текст и контексты*. В нашем случае особый интерес представляют те идеи В. Хлебникова в *Досках судьбы*, которые непосредственно связаны с проблемой числа и числовой символикой. Стоит отметить, что несмотря на временную дистанцию, творчество В. Хлебникова, как и при его жизни, так и сейчас, вызывает крайне разные мнения и оценки исследователей: для одних он – гениальный пророк, талантливый писатель, для иных – всего лишь примитивный адепт символистского наследия.

Итак, *Доски судьбы* – это прежде всего авторский незаконченный нумерологический проект, выходящий за рамки художественного произведения, в котором Велимир Хлебников ставит очень серьезные задачи. Основная задача – познать закономерности хода истории с целью избежания катастроф и кровопролитий: «Я хотел найти ключ к часам человечества, быть его часовщиком, и наметить

основы предвидения будущего». (Лист I, «Зарей венчанный»). Составители сборника *«Доски судьбы» Велимира Хлебникова: Текст и контексты* удачно определяют специфику этого произведения как «текста не художественного, а научно-художественного, синтетического по форме и содержанию» (*Доски судьбы* Велимира Хлебникова: текст и контексты 2008, 10). Наиболее полный вариант *Досок судьбы* состоит из семи листов (глав). Каждый из листов имеет свою структуру, в состав которой входят и художественные тексты (стихотворения, стихотворения в прозе), и историософские размышления, и таблицы, и математические вычисления закономерностей исторических событий у разных народов. Главы этого произведения не просто самостоятельны, «но представляют собой различные стадии в эволюции идей поэта...» (*Доски судьбы* Велимира Хлебникова: текст и контексты 2008, 11). Одной из наиболее важных проблем, определяющих изучение и интерпретацию числовой символики в *Досках судьбы*, есть проблема соотношения художественного и научного дискурса в этом синтетическом произведении.

Для примера кратко рассмотрим структуру первой главы *Досок судьбы*. Первый лист открывает стихотворение *Зарей Венчанный*, в котором лирический герой заявляет о своих намерениях, звучащих в начале XXI века не менее актуально, нежели сто лет назад:

Если я обращаю человечество в часы
И покажу, как стрелка столетий движется,
Неужели из вашей времен полосы
Не вылетит война, как ненужная ижица? (Хлебников 2016)

За этим стихотворением следуют еще два, первый стих которых повторяется: «Ну, тащися Сивка...». Далее следует краткий текст в прозе *Промеры судьбы*, за ним – более обширный текст *Зарей венчанный*, в состав которого входят математические формулы и таблицы. Заканчивают этот лист два подразделы: 1. *Жизнь столетий при свете 3ⁿ. Вековой поединок, озаряемый светочами 3ⁿ*. 2. *19 столетие при свете зажженных свечей 2ⁿ дней и 3ⁿ дней. Рост событий через 2¹⁴ дней*. Данные подразделы состоят исключительно из таблиц, включающих примеры, которые подтверждают предложенную автором

закономерность развития исторических событий, заключенных в формулах 3^n и 2^n .

Хлебников приходит к интересному выводу: «...что вообще степени трех (3^n) соединяют обратные события, победу и разгром, начало и конец. Три есть как бы колесо смерти исходного события». (Хлебников, 2016). В следующем тексте автор определяет закон времени, который зиждется на двух числах – двойке и тройке:

Это прошлое вдруг стало прозрачным, и простой закон времени вдруг осенил его все. Я понял, что время построено на степенях двух и трех, наименьших четных и нечетных чисел. Я понял, что повторное умножение само на себя двоек и троек есть истинная природа времени; и когда я вспомнил древнеславянскую веру в «чет и нечет», я решил, что мудрость есть дерево, растущее из зерна суеверия в кавычках. Открыв значение чета и нечета во времени, я ощутил такое чувство, что у меня в руках мышеловка, в которой испуганным зверьком дрожит древний рок. (Хлебников, 2016).

В своё время Вяч. Вс. Иванов справедливо подчеркивал, что «числовые выкладки Хлебникова в последние годы его жизни преимущественно были связаны с исследованием разных степеней 2 и 3». (Иванов 1986, 397).

Важная особенность *Досок судьбы*, по мнению исследователей, состоит в том, что в этом произведении больше указаний на контексты, нежели собственно авторского текста. Именно поэтому задание ученых, занимающихся изучением творчества В. Хлебникова, состоит в том, чтобы расширять круг всевозможных контекстов. Поэтому вполне закономерно, что творчество В. Хлебникова изучается в контексте культуры модернизма, в сопоставлении с поэтикой символистов и/или футуристов.

Так, в аспекте нашей темы интересным представляется сопоставление идеи В. Хлебникова с произведением Освальда Шпенглера *Закат Европы*. Наталия Азарова, автор статьи *Семантика хлебниковской Единицы*, отмечает соответствие *Досок судьбы* типу мышления «закатывающейся» фаустовской культуры конца XIX – начала XX века:

Любопытное утверждение Шпенглера о том, что стремление привести исторические факты в неизменную систему, в мир истории ведет к оправданию **заблуждения** (выделено мною – Л. М.) таким

объективным моментом, как число. Задача человека фаустовской культуры – остановить (омертвить) беспрестанно колеблющуюся картину... Особенностью фаустовского человека (в этом смысле Хлебников именно фаустовский человек) является то, что если он отважится провозгласить свою системность и обусловленность, он свободен. Законы, таким образом, устанавливаются, ими заколдовывается мир. (Азарова 2008, 326-327).

Таким образом, согласно концепции Освальда Шпенглера, *Доски судьбы* Велимира Хлебникова принадлежат фаустовской культуре, т.е. культуре уходящего XIX века.

В ином ключе рассмотрены числа Хлебникова в статье Александра Павловского «*Доски судьбы*» как учебник жизни: статус числа. Автор статьи ставит задачу дать дефиниции основных числовых понятий, которыми пользуется В. Хлебников, а именно – живое число, живая величина, естественное число. Живая величина времени для В. Хлебникова – это удар сердца. «Другие «естественные» единицы времени также имеют у В. Хлебникова физическое, точнее, астрофизическое обоснование. Это сутки, лунный месяц, солнечный год, разложенные на количество все тех же ударов сердца» (Павловский 2008, 360). Анализируя роль числа в *Досках судьбы*, А. Павловский приходит к выводу о существовании в этом произведении эстетического и прагматического отношения к числу, двух видов исчисления: сакрального и профанного. На эстетическое отношение к числу в свое время указывал и Вяч. Вс. Иванов в цитируемой работе *Хлебников и наука*:

Его отношение к числам – эстетическое. В «Досках судьбы» он пишет: Есть удивительный своей зеркальной природой ряд, сделанный тремя числами: 2, 3 и 11, где почти слышен шорох волнующихся чисел. 11 – это изумительное число, которое может быть камнем в целом здании чисел и не шатать его, если мы перейдем от двойки к тройке и наоборот. В мире числа 11 природа двух и трех равна друг другу, это есть сладкое число, подслащающее горечь тройки. Хлебников поясняет, что в уравнении $x = a^n + n$ при $x = 11$ a и n могут принимать значения 2 и 3: $11=2^3 + 3$ и $11=3^2 + 2$. (Иванов 1986, 397).

Интересным представляется также анализ хлебниковских идей с точки зрения математики. Так, Андрей Щетников в статье «Законы

времени» Велимира Хлебникова: критический анализ одного мифа рассматривает законы времени, предложенные В. Хлебниковым, и обращает внимание на неточности в расчетах поэта: «Получается, что часть подобранных Хлебниковым интервалов вовсе даже не соответствует тем законам, на существовании которых он настаивает» (Щетников, 2016). А. Щетников дает критическую оценку «уравнениям времени», указывая на основные отличия между наукой и ее имитациями, состоящими в том, что наука в отличие от имитаций способна предсказывать новые факты. Проанализировав математические формулы, определяющие законы времени, а также подбор исторических фактов, представленный поэтом, автор статьи приходит к выводу о том, что «вернее всего будет охарактеризовать «Доски судьбы» Велимира Хлебникова как авторский миф» (Щетников 2016).

Среди других публикаций на тему чисел в творчестве Велимира Хлебникова выделяется критическая статья Лады Пановой *Нумерологический проект Хлебникова как феномен Серебряного века*. Автор выдвигает тезис о том, что «математическое «хозяйство» Хлебникова, сосредоточенное в *Досках судьбы* и более ранних эссе, а также рассеянное по его поэзии, прозе, драматургии и переписке, – закономерный продукт Серебряного века» (Панова 2008, 393). Л. Панова делает попытку деконструировать жизнетворческий миф В. Хлебникова с помощью интертекстуального анализа. Несмотря на то, что в нумерологическом проекте В. Хлебникова мало следов влияний, Л. Панова указывает литературных «отцов» нумерологии Велимира Хлебникова, т.е. символистов (в том числе Валерия Брюсова, Константина Бальмонта, Вячеслава Иванова, Дмитрия Мережковского), и его «деда» – Льва Толстого. Основное отличие между числами у символистов и у В. Хлебникова, по замечанию Л. Пановой, состоит в том, что «у символистов число правит миром абстрактно», а В. Хлебников «мыслит конкретными проекциями чисел, или *вещеобразно...*» (Панова 2008, 413).

Рассматривая нумерологию поэта как «наивный пифагоризм», исследовательница указывает на то, что пифагорейские идеи были заимствованы Велимиром Хлебниковым также из поэзии символистов:

Пифагорейские установки Хлебников мог почерпнуть из лирики символистов. Пифагор входил в ее нумерологический мини-

мум благодаря *Числам* Брюсова с пифагоровой максимой в эпиграфе и пифагорейским стихам Бальмонта, особенно же *Триаде* и *Завету Пифагора*. (Панова 2008, 420).

По мнению Л. Пановой, тактика В. Хлебникова состояла в том, чтобы овладеть тайным знанием предшественников (Пифагор, Блаватская), десакрализовать его и приписать своему дару провидца.

Стоит припомнить, что мотив "божественных чисел" часто встречается у поэтов-модернистов в разных вариантах, но неизменной при этом остается идея о том, что именно числа репрезентируют высшую реальность, их познание определяет проникновение во внутреннюю, истинную сущность вещей. Эта мысль прямо постулируется в учении пифагорейцев:

Числам принадлежит большая реальность, чем конкретным вещам. Так как последние суть только проявление чисел, это – лишь внешняя сторона чисел, которая одна видна непосвященным, не постигающим внутренней сущности вещей. Числа суть одновременно и разумная, и мистическая, и материальная основа вещей. (Пифагор 1999, 148).

Как отмечает Вяч. Вс. Иванов, «Хлебников, по-футуристически остранив мысль о том, что пифагорейцы были его предшественниками, писал в одной из поздних своих книг: „Пифагор был моим последователем”» (Иванов 1986, 392).

Таким образом в творчестве Велимира Хлебникова уникальным образом соединились два пути постижения истины. С одной стороны, интуитивно-художественное проникновение в суть вещей с помощью числовой символики, с другой стороны, попытка научного вычисления закономерностей истории целых народов и судьбы отдельной личности с помощью математических формул. Принимая во внимание специфику синтетического творчества этого поэта, Вяч. Вс. Иванов видит в таком соединении скорее поэтический дар предвидения, нежели точный научный расчет: «Исторические вычисления Хлебникова находятся на грани науки, истории и поэзии. Иногда и сам Хлебников говорил, что он сочиняет стихи из чисел. Поэтому его попытки составить уравнения истории могут оказаться ближе писателю-художнику, которому сродни размах исторического воображения Хлебникова; ученого поэтическое в этих занятиях скорее может отпугнуть, чем привлечь.» (Иванов 1986, 385).

ЛИТЕРАТУРА:

- Азарова Наталия: *Семантика хлебниковской Единицы*, в: «Доски судьбы» Велимира Хлебникова: Текст и контексты. Статьи и материалы. Москва 2008, с. 321-341.
- Бабков Василий: *Контексты Досок судьбы*, в: Велимир Хлебников: *Доски судьбы*. Москва 2000.
- Григорьев Виктор: *Грамматика идиостиля. В. Хлебников*. Интернет-ресурс http://www.ka2.ru/nauka/vpg_grid_5.html, дата доступа 12.02.2016.
- «Доски судьбы» Велимира Хлебникова: Текст и контексты. Статьи и материалы. Москва 2008.
- Дуганов Рудольф: *Велимир Хлебников. Природа творчества*. Москва 1990.
- Иванов Вячеслав Вс.: *Хлебников и наука*, в: *Писатели рассказывают о науке*. Сборник двадцатый. Москва 1986, с. 382-440.
- Павловский Александр: «Доски судьбы» как учебник жизни: статус числа, в: «Доски судьбы» Велимира Хлебникова: Текст и контексты. Статьи и материалы, Москва 2008. с. 359-364.
- Панова Лада: *Нумерологический проект Хлебникова как феномен Серебряного века*, в: «Доски судьбы» Велимира Хлебникова: Текст и контексты. Статьи и материалы. Москва 2008, с. 393-455.
- Пифагор, в: *Досократики. Доэлеатовский и элеатовский периоды*. Пер. А. Маковельского. Минск 1999, с. 133-167.
- Хлебников Велимир: *Доски судьбы*, в: *Собрание сочинений в 6 т.*, т. 6, кн. 2. Москва 2008.
- Хлебников Велимир: *Доски судьбы*, Москва 2000.
- Хлебников Велимир: *Доски судьбы*, Интернет-ресурс <http://hlebnikov.ru/works-page/>, дата доступа 01.02.2016.
- Хлебников Велимир: *Собрание сочинений в 6 т.*, т. 1. Москва 2013.
- Хлебников Велимир: "Слово" 1998, №7, с. 75-76.
- Хлебников Велимир: *Творения*. Москва 1987.
- Щетников Андрей: «Законы времени» Велимира Хлебникова: критический анализ одного мифа. Интернет-ресурс <http://avantgarde.narod.ru/beitraege/bu/doski/asch.htm>, дата доступа 12.02.2016.